

Разве можно что-то утаить? Скорее уж, дело в том, что тайное никогда по-настоящему и не удавалось сохранить.

Разве Слепой не понимал, какую именно партию разыгрывает Девять Врат?

Просто потерявший память Чжан Цилин походил на человека, лишившегося души: сломя голову, не оглядываясь назад, он шагнул прямо в расставленные Девятью Вратами сети, и как Слепой ни пытался удержать его, вернуть было уже невозможно.

Слепой ведь пытался.

Но Чжан Цилин, в чьей памяти не осталось ни единого воспоминания, не испытывал к нему ни малейшего доверия.

Что бы Слепой ни говорил, тот человек не верил ни единому слову.

У него не оставалось иного выхода, кроме как тоже броситься в эту ловушку — в водоворот, который вообще-то не должен был иметь к нему никакого отношения.

Теперь же, когда этот световой экран вспыхнул, когда он сорвал все покровы, в душе Слепого промелькнуло даже некое облегчение.

И славно.

Правда обнажена, а значит, больше не нужно тревожиться, что Чжан Цилин окажется ослеплен ложью Девяти Врат, что его затянут чужие расчеты и манипуляции.

Просто он... никак не мог взять в толк.

Глава клана Чжан из северо-восточных земель — по идее, не должен был отличаться такой наивностью. Почему же, лишившись памяти, он стал настолько легковверным?

Каждый раз, когда Слепой видел, как Чжан Цилин без тени сомнения идет вслед за У Се, в груди у него тяжело сжималось.

Это чувство невозможно было передать словами.

В конце концов, кому понравится смотреть, как любимый человек, с которым они когда-то делили жизнь и смерть, теперь поворачивается к тебе спиной и целиком вручает свое доверие и защиту другому.

Особенно если этот другой намеренно подослан лишь затем, чтобы увести его за собой. На душе от такого никому не станет легко.

Световой экран вспыхнул вновь.

На этот раз ухищрения Девяти Врат и темные глубины человеческих сердец предстали перед всеми совершенно открыто, без единой уловки.

Слепой погрузился в воспоминания: Мы с Чжан Цилином... познакомились в Германии.

Он на мгновение умолк, словно ему потребовались немалые силы, чтобы поднять со дна памяти ту давнюю пору.

Тогда я выглядел совсем иначе. Конечно, и Чжан Цилин в те времена был совсем не похож на себя нынешнего.

В ту пору обоим едва исполнилось по двадцать лет, меж бровей еще не залегли тревоги и следы невзгод, и они разительно отличались от нынешних людей, несущих на себе печать глубокой зрелости.

Нынешняя семья Ци из Девяти Врат, — продолжал Слепой, и в его тоне прозвучала далекая, почти равнодушная отрешенность, — всего лишь боковая ветвь, отделившаяся от нашего главного рода очень давно.

Позднее в клане стряслась великая беда, его почти полностью вырезали. Я тогда по воле обстоятельств находился в Германии и чудом избежал смерти, но в один миг превратился в пережаты-поле без корней.

Вскоре после того, как мы сошлись с Чжан Цилином, Ци Тьецзуй разыскал меня сам.

Голос Слепого оставался ровным, но под ним угадывалось движение скрытых подводных течений.

Сначала я не хотел с ним видиться. Но вспомнив, до какого упадка дошел наш род, понял: в конце концов, из кровных родственников у меня осталась лишь та ветвь.

Он слегка опустил веки, пряча за ними бурю сложных чувств.

В конце концов я все же пошел на встречу.

Уголки его губ дернулись, изогнувшись в едва заметной, горькой усмешке: Позже я понял, что

та встреча от начала и до конца была лишь тщательно спланированным расчетом.

Се Юйчэнь помолчал какое-то время, неосознанно оглаживая кончиками пальцев манжету, и тихо спросил: А потом? Что произошло потом?

Потом?

Из груди Слепого вырвался короткий, насмешливый хрип, пропитанный откровенным издевательством.

Потом я встретился с Ци Тьецзуй, и он заявил, что его дни сочтены. Ради прежней близости, раз уж мы происходим из одного корня, он хотел попросить меня... помочь вырастить ребенка.

Ци Юй?

Се Юйчэнь почти мгновенно связал это имя с юношей, о котором Слепой упоминал чуть раньше.

Он поднял взгляд, и в его глазах читался немой вопрос.

Слепой кивнул, и в глубине его глаз мелькнула мрачная тень воспоминаний: Ты угадал верно. Тот ребенок... и был Ци Юй.

Слепой продолжил вспоминать: Сначала я не соглашался. Но Ци Тьецзуй сказал: Считаю, что завел сына для себя. Мы с Чжан Цилином к тому времени уже были вместе, и я знал, что детей у нас... по определению быть не может.

Он замолчал, и его кадык судорожно дернулся.

Поразмыслив так и эдак, я все же согласился. А после привез Ци Юя с собой в Германию.

Чжан Цилин, узнав о причинах, возражать не стал и молчаливо дал на это согласие. И тогда мы вдвоем... вот так его и вырастили.

На этих словах голос Слепого внезапно оборвался, а меж бровей легла тяжелая мрачная тень.

Только... я никак не ожидал...

Взгляд Се Юйчэня чуть качнулся, и он тихо подхватил: Ты не ожидал, что Ци Тьецзуй с самого начала... плел против тебя интриги.

Уголки губ Слепого скривились в горькой улыбке, и он проронил: Да.

Это слово прозвучало тихо, словно на него ушли последние силы.

Он ведь искренне считал Ци Юя собственным ребенком, щедро одаривая его бесконечной заботой и защитой.

И кто бы мог подумать, что в ответ на такую искренность его ждет заранее срежиссированное предательство.

На световом экране Слепой принялся рассказывать о прошлом.

Стоило У Саньшэну и У Эрбаю услышать слово Германия, как в их глазах почти одновременно вспыхнул едва уловимый хищный блеск.

У Саньшэн и вовсе не смог сдержаться: он слегка подался вперед, впившись в экран цепким, словно крючья, взглядом.

Та самая загадка долголетия, за которой они гонялись полжизни, эта призрачная, ускользающая нить теперь так отчетливо предстала перед их глазами.

У Се перехватил мгновенно изменившееся лицо третьего дяди, и его взгляд потемнел.

Он поднял глаза, и его взор безмолвно опустился на точеную, прямую спину впереди стоящего Чжан Цилина.

В душе исподволь зарождалась мысль, стремительно захлестывая сердце:

Если бы и я... обрел бессмертие, смог бы я тогда всегда оставаться рядом со Сяо-гэ?

Эта мысль нахлынула с такой силой, что его пальцы слегка задрожали от жгучего волнения.

Остальные люди из Девяти Врат тоже переменялись в лицах, каждый думал о своем.

Госпожа Хо сидела неподвижно, и ее острый взгляд от начала до конца не покидал световой экран; в ее старческих глазах бушевали скрытые страсти, словно она стремилась выжечь в памяти каждый отдельный кадр.

Кое-кто даже бросал украдкой жгучие, алчные взгляды на молчаливые фигуры людей из клана Чжан, сидящих во втором ряду.

В воздухе разливалось немое вожделение — те люди безуспешно пытались разглядеть или даже силой вырвать недостижимый секрет долголетия у членов семьи Чжан.

Слепой холодно окинул взглядом жадных зевак и презрительно хмыкнул.

Кучка сбившихся с толку глупцов.

Неужели эти люди и вправду думали, что долголетие — это некое благословение небес?

Члены клана Чжан, окруженные со всех сторон множеством скрытых взглядов, по-прежнему сохраняли полное равнодушие, словно ничего не замечая.

В конце концов, каждый доживший до сегодняшнего дня представитель семьи Чжан с малых лет проходил через поистине жестокую закалку.

Эти тренировки сдирали кожу и проникали до костей, но они же навсегда впечатывали инстинкт выживания в самую плоть и кровь.

Кто из тех, кто стоит здесь сейчас, не пробирался к этому моменту по краю пропасти меж жизнью и смертью?

Не обладай они подлинным мастерством, давно бы уже обратились в горсть сырой земли.

А некоторые и вовсе заканчивали жизнь подопытными кроликами в чьих-то бредовых поисках бессмертия.

Когда нельзя ни выжить, ни умереть.

Те отступники, что бежали из клана, вечно проклинали суровые и безжалостные законы семьи.

Им и в голову не приходило, что те железные правила изначально, возможно, и создавались лишь ради того, чтобы вырвать для них крохотный шанс на выживание в мире, полном волков и тигров.

<http://bllate.org/book/20900/2112991>